

МОРДОВСКИЙ РОМАН О СОВРЕМЕННОСТИ: НАЦИОНАЛЬНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ТРАДИЦИОНАЛИЗМ И ПРИЗНАКИ ОБНОВЛЕНИЯ ЭПИЧЕСКОЙ ФОРМЫ

С. В. ШЕЯНОВА,

*кандидат филологических наук, доцент кафедры финно-угорских литератур
ФГБОУ ВПО «МГУ им. Н. П. Огарёва»*

(г. Саранск, РФ)

Статья посвящена рассмотрению национальных эпических традиций и новаторских черт в мордовской романистике о современности.

- *роман о современности; национальный традиционализм; обновление традиций; новаторские черты; литературная тенденция*

Мордовский роман последних десятилетий, художественно-эстетически отображая действительность в тематическом и проблематическом многообразии, обращается к активному исследованию социально-духовных, нравственно-этических, политико-экономических проблем современности в их органическом сопряжении. Формирование и развитие романа о современности происходит не в замкнутой, обособленной сфере, а в условиях усвоения им богатого романного опыта 1960–1980-х гг. с его арсеналом изобразительно-выразительных средств и художественных приемов, во взаимосвязях и взаимодействиях с разножанровыми формами.

Национальные романы с современной тематикой (если не считать роман Т. Раптанова «Под Чихан-горой») появились лишь в послевоенный период, в количественном отношении они уступают повествованиям исторического содержания. Такое неравномерное развитие разновидностей романа обусловлено скорее всего их ролью и местом в системе эпических форм национальной прозы. Исторический роман не испытывает столь мощного влияния средних и малых форм литературы (историческая повесть и рассказ не являются часто встречающимся

явлением в мордовской литературе), как испытывает роман о современности, буквально конкурирующий с повестью и малыми жанровыми формами.

Аргументируя некоторые особенности эволюции романа исторического и романа о современности, башкирский исследователь Р. Н. Баимов отмечает: «В отличие от исторических романов в романах о современности нет событий и коллизий всеохватных, эпохальных, схваток социальных классов, вплетенных в эпический сюжет. ... Роман о современности тяготеет не к монументальной, эпической разновидности жанра, как исторический роман, а к социально-бытовой его форме, роману-судьбе, роману-интриге". ... Но здесь мы видим более реалистическую детализацию и последовательный анализ характеров, чувств, исследование нравственно-духовных устремлений современника» [1, 235]. Данное определение справедливо и по отношению к мордовскому роману о современности. Если историческая действительность находит художественное отражение в крупных жанровых формах – романах-эпопеях («Бурливая Сура» А. Куторкина), романах-диалогиях («Румянцев-Задунайский» М. Пет-

рова, «Дважды рожденный» А. Щеглова), романах-трилогиях («Сын эрзянский» К. Абрамова, «Трудное счастье» М. Сайгина, «Красный колосс» М. Петрова и др.), то роман о современности лишен эпопейности и монументальности. Значение данной жанровой формы заключается в полном, убедительном, разностороннем, аналитическом взгляде на мир и человека в нем. Изображение общественно-личных связей человека, становления его характера под влиянием особенностей среды, быта, проникновение в глубины психологии героя, выявление его нравственно-этического стержня в контексте вневременных общечеловеческих проблем философского характера – все это обеспечивает эпической художественной мысли о современности популярность и востребованность в читательской среде.

Современные романы на тему дня «У любви краски свои» А. Брыжинского [2], «Перепелка – птица полевая» А. Доронина [5], «Ванечка» Е. Четвергова [9] продолжают жанрово-тематические традиции произведений предыдущих лет, среди которых – «Трава-мурава» И. Девина, «Ржаной хлеб» А. Мартынова, «Глубокие корни» и «Теплый ветер» М. Сайгина, «Лысяя гора» и «Грушица у дороги» Т. Якушкина, «Птицы весенние» М. Бебана, «Поздняя весна» и «Теплое лето» В. Кижняева и др. В названных произведениях непреходящей темой являются социально-нравственные проблемы деревни, их можно назвать своеобразной художественной летописью сельского бытия. Следует сказать, что основной тематической направленностью в мордовской литературе в целом и в романе в частности традиционно выступает сельская, деревенская тематика.

Возникшее в русской литературе 60-х гг. XX столетия новое явление – «деревенская проза», которую А. П. Эльяшевич назвал знаменем времени [10], – в мордовской литературе и в настоящее время остается на главенствующих позициях и намечает перспективные направления дальнейшего развития национальной художественной системы. Актуальность и востребованность темы деревни могут быть мотивированы тем, что писатели получили возможность

смело подходить к эстетическому решению судьбоносных проблем национального бытия в прошлом и настоящем. Эта тема остро чувствует преемственность времен и поколений и способствует ее сохранению, она аккумулирует серьезные размышления писателей о национальных корнях, национальном менталитете и т. д.

Деревенская тема стала в русской и в других национальных литературах «не просто объектом изображения», но «загадкой исторического пути России, ее болью, ее муками совести, перекрестком путей в грядущее» [3, 54]. Она обнаружила в себе пласты такого общезначимого культурно-исторического содержания, которые выводят ее далеко за пределы каких-либо тематических ограничений. Этот вывод подтверждается произведениями Ф. Абрамова, В. Шукшина, В. Астафьева, С. Залыгина, В. Быкова, Е. Носова, Б. Можаяева, Ч. Айтматова, которым присуща ярко выраженная народность как художественная мера и позиция автора.

Проникновение «деревенской прозы» в мордовскую литературу и эволюцию в ней видные исследователи считают весьма благоприятной тенденцией, которая принесла «новый, широкий жизненный материал со всеми своими реалиями и коллизиями, обострила морально-нравственные поиски литературы, поставила вопрос об отношении к нравственным критериям, веками выработанным народом, духовным началам, гражданской преемственности и связи времен, усилила ее философичность» [8, 191].

Романы А. Доронина, А. Брыжинского, Е. Четвергова, являясь определенным органичным этапом в развитии деревенской темы в мордовской литературе, опираются на традиции всей литературы 1960–1980-х гг. о современности и «деревенской прозы» в частности. Художественно-эстетический опыт мастеров слова предыдущих поколений благотворным образом отразился на нравственно-этической и философско-психологической направленности произведений вышеназванных прозаиков. Говоря о преемственности поколений, тесной взаимосвязи традиций и новаторства в словесном творчестве, В. М. Макушкин

отмечает естественность и жизненность этого процесса: «Сила традиции – в гармоничном единстве с развивающимся миром. Она не исчезает и не разрушается, а на каждом определенном этапе развития приходит в соответствие с современными представлениями» [8, 158].

Возникшее в русской литературе 60-х гг. XX столетия новое явление – «деревенская проза» – в мордовской литературе и в настоящее время остается на главенствующих позициях и намечает перспективные направления дальнейшего развития национальной художественной системы.

В настоящее время в жанровой структуре мордовского романа о современности все сущее обретает свои качественные черты и многозначность. Романистика последних десятилетий изображает целостную картину национального бытия, формулирует общечеловеческие законы жизни. Акцентируя внимание на духовных ценностях отдельной личности, на людских взаимоотношениях, отражении традиционно-бытовой сферы, национальная романная форма создает художественную концепцию человека, во многом исходя из социально-исторического опыта народа, из его нравственно-этических представлений и общечеловеческих ценностей. Художественный характер при этом не только отражает ведущие тенденции своего времени, но и оценивает их, что ведет к усилению философско-этической и духовно-нравственной константы в романном повествовании.

Философскую направленность романной формы о современности следует понимать не как сухую констатацию известных философских истин, а как процесс их поиска, постижения. Этот поиск превращается в определенную историю жизни, насыщенную авторской фантазией и вымыслом, развивающуюся на глазах читателя, отчего у него возникает ощущение сопричастности к процессу поиска; позволяет запечатлеть неуловимое, неуверенное, едва намечающееся движение человеческой души; заставляет читателя составить

собственное мнение и самому себе ответить на вопросы: в чем смысл человеческого бытия? В чем счастье человека? Сам автор не навязывает читателю единственно правильный вывод, но его личная позиция отчетливо «просматривается» сквозь маску незаинтересованности. Самой расстановкой сюжетных акцентов, размещением «силовых полей» содержания писатель создает в произведении ценностную атмосферу, показывающую (не прямо, но тем более убедительно), на чьей он стороне. Это четко наблюдается в романах А. Доронина, Е. Четвергова, А. Брыжинского.

По сравнению с романами 1960–1980-х гг. в мордовском романе о современности последних двух десятилетий ощущимы изменения в жанровой системе, арсенале устоявшихся литературных форм, способах типизации персонажной сферы, в обращении к оригинальным средствам выразительности, происходит повышение интеллектуального и художественного уровня повествования. Авторы романов «Перепелка – птица полевая», «У любви краски свои», «Ванечка» изображают не узкомасштабные проблемы одного села, а глобальные социально-экономические изменения, происходящие в стране, преломляют их сквозь призму психологии действующих лиц, переживающих порой духовный кризис.

Творческие поиски современных мордовских романистов сопровождаются обновлением традиций и в области повествовательных форм. Социально-философское, лирико-психологическое начала вступают в романе в сложный синтез с публицистической, фольклорно-мифологической, сатирической тенденциями. Исследователь З. Кедрина, анализируя пути развития отечественного романа, указывает, что если предыдущие этапы характеризовались «стремлением к четкому обозначению (и даже дроблению) жанровых границ (роман-хроника, роман-эпопея, исторический, историко-революционный, семейный роман и т. д.), и вместе с тем роман четко разграничивается по тематическому признаку (деревенский роман, роман о рабочем классе, военный роман, морально-этический и т. п.), сегодня наблюдается расширение идейно-тематического содержания и тен-

денция к своеобразной интеграции жанров» [6, 587]. Этот вывод справедлив и для мордовского романа рубежа XX–XXI столетий. В настоящее время в национальной литературе наряду с традиционными жанрами выделяются произведения, синтезирующие в себе разные формы – деревенский роман и семейный роман, социальный роман и роман-судьба и др. Активное проникновение в романное повествование лирико-философского, духовно-психологического, нравственно-этического начал, расширяющих границы традиционного эпического жанра, рождающих гибридные и новые жанрообразования, призвано выразить эпическую емкость изображаемого, единство мира и человека.

Следует говорить о субъективизации повествования в романах последних десятилетий, проявляющейся не только в интересе писателя к личности, но и в изменении самого статуса повествования. Оно все больше утрачивает свой однонаправленный – от писателя к читателю – характер, из монолога автора превращается в диалог с читателем. Повествователь делится своим опытом и мыслями, а множество читателей пытаются разобраться в них и вынести самое важное для себя.

Читатель все чаще «приглашается» автором к участию в споре с героем, который нередко оказывается в сложных, драматических ситуациях. Далеко не каждый персонаж становится советчиком и спутником читателя, и уж тем более образцом для подражания. Данная тенденция плодотворна не только в художественном, но и в педагогическом отношении – «необразцовый, неположительный» в традиционном понимании герой и его проблематичная, «сомнительная», а порой и прямо неверная жизненная позиция побуждают в читателе активное отношение к жизни, непримиримость к недостаткам, развивают в нем проблемное мышление. Эта позиция ярко обозначена в романе Е. Четвергова «Ванечка» посредством образа главного героя.

Назовем еще одно явление, характерное для сегодняшнего романа, также служащее средством субъективизации повествования, – использование традиций натуралистической поэтики с ее подчеркнутым внима-

нием к исследованию бытовой конкретики и интимно-психологической жизни личности. Происходит своего рода реабилитация повседневности как среды обитания героя, расширение поля зрения романного повествования в результате включения в него «запретных» ситуаций, табуированных пластов сознания. А. Куторкин, пожалуй, единственный в национальной крупномасштабной прозе обращается к интимным сценам из жизни героев. Ни М. Сайгин, ни А. Мартынов, ни Т. Якушкин не берут на себя смелость «заглянуть» в интимную сферу персонажей. А. Доронин использует традиции неонатурализма при обрисовке женских образов – бабки Олды и Розы. В романе Е. Четвергова можно наблюдать ряд сцен, связанных с Кулей и Миколем, с Ванечкой и Натой.

Романное мышление проявляется в глубоком и многоаспектном показе пути исторической эволюции и нравственного прогресса личности. В поисках ответа на вопрос о том, как соотносится человеческая личность с событиями и обстоятельствами реальной действительности, романное сознание стремится создать углубленную, обогащенную, масштабную историю человеческой души, емкий национальный характер, отражающий противоречия и духовные искания эпохи. По романам А. Брыжинского, А. Доронина, Е. Четвергова проследим динамику общественных процессов и хронологию социальных изменений.

В середине 1980-х – начале 1990-х гг. (именно этот временной промежуток стал сюжетно-фабульной основой романа А. Брыжинского) начались сложные процессы внедрения изменений в экономику и в общественный строй страны. Данный период был временем зарождения рыночной экономики, индивидуального предпринимательства, малого бизнеса, вошел в историю как эпоха гласности и демократии. Происходящие в обществе политические и экономические сдвиги не могли не повлиять на микромир человека, его семьи. Независимо от сложных, противоречивых социально-политических, финансово-экономических условий единственно необходимыми ценностями для человека, по мысли романиста, остаются духовность, семья, осознание от-

ветственности перед близкими, душевная щедрость, уважительное отношение друг к другу и т. д.

А. Доронин, обращаясь к событиям конца 1980-х – начала 1990-х гг., раскрывает историко-нравственную роль деревни в судьбе мордовского народа, выражающуюся прежде всего в том, что она способствует сохранению связи времен и поколений, приближает к природному – естественной среде обитания человека. В интерпретации А. Доронина деревня как основа национального бытия переживает глубокий кризис, который может привести к ее духовной и физической гибели. В «Перепелке...» содержатся серьезные размышления о национальных корнях, национальном менталитете, об экологии природы, выражается беспокойство по поводу утраты в мирской суете связи с национально-духовным опытом прошлого. Мысль автора проникнута глубоким драматизмом, вызванным осознанием оторванности ряда персонажей от гуманистических основ, земли, от первоначальных истоков бытия.

Стремление к эпической свободе позволило Е. Четвергову расширить хронологические рамки повествования, охватывающие период с 1945 г. и по сегодняшний день. Через изображение истории одной семьи автор раскрывает негативные социальные процессы эпохи: распад села, скоропалительное разрушение колхозной системы, распространение алкоголизма, безработицы, отход от национальных традиций, запрет на преподавание родного эрзянского языка и обучения на нем. Эти слагаемые бытия и привели к духовному упадку и безнравственности общества. Авторские философские размышления подводят к умозаключениям о предназначении человека на Земле, смысле его бытия, о тех нравственных ценностях и духовных ориентирах, которые делают человека человеком.

Таким образом, романы последних лет можно рассматривать как попытку художественного обобщения жизни села 1980–1990-х гг. и – шире – пройденного колхозной деревней пути с конца войны и до сегодняшнего дня. Они значительно обогащают систему эпических форм национальной прозы.

Литература, как известно, познает бытие посредством художественных образов. Основным путем развития литературного героя и в целом мировой литературной системы стала психологизация. Начиная с древнегреческих текстов и до настоящего времени литература ищет новые способы углубленного изображения внутреннего мира, духовно-психологического состояния человека. Проблема характера, мира и личности, таким образом, не может рассматриваться без обращения к вопросам психологизма в литературном творчестве. В этой связи постановка проблемы психологизма в романе о нашем дне служит художественной опорой для исследования социально-политических, этнокультурных, нравственно-этических сторон жизнедеятельности современной личности.

По утверждению В. Компанейца, «роман является той жанровой формой, в которой психологический анализ реализуется полнее всего, целостно, всесторонне охватывая человеческую личность в ее многосложной обусловленности явлениями окружающего мира» [7, 19]. Характерной особенностью мордовских романов последних лет следует признать их обращенность к исследованию внутреннего мира личности, к раскрытию всего богатства, а подчас и противоречивости души героя. Герои национальных романов рубежа XX–XXI вв. живут, вбирают в себя разнообразные впечатления быта, думают, любят, сомневаются. Они даны не только в действии и размышлениях, не только во взаимоотношениях друг с другом, но и в споре с собой. Глубокий и бесстрашный взгляд внутрь себя – это во многом поиск своего «я», путь становления индивидуального и душевного, то, что в литературоведческой науке получило определение психологизма или художественного познания душевной жизни [4, 424].

Не повторяя прошлых ошибок, отказываясь от нормативной схемы в делении героев только по принципу жесткого черно-белого контраста, современное романное творчество республики уходит от пропагандистских назиданий, обостряя интерес к проблемам нравственной нормы,

взаимоотношений человека с окружающим миром, определения места и роли личности в истории. В художественной практике мордовской литературы последних десятилетий выявляется стремление писателей отразить глобальные катаклизмы бытия современника и показать при этом его национально-культурный менталитет, ценности, составляющие ядро ментальности, раскрыть нравственно-этическую и духовно-психологическую жизнь человека. Вышеназванные тенденции в полной мере отразились в крупных эпических формах национальной прозы.

Резюмируя вышесказанное, отметим следующее: преемственно продолжая традиции крупной прозы предшествующих десятилетий, современные романисты привносят в нее новаторские художественно-эстетические тенденции, обусловленные внешними социальными изменениями, внутренними процессами духовной жизни общества, нравственно-этическими потребностями человека.

Национальный традиционализм в романе о современности проявляется прежде всего в приверженности писателей «деревенской тематике», традиционной в мордовской литературной системе. Исследование народной жизни, духовно-нравственных начал многовекового уклада деревни, этических ценностей крестьянской культуры ложится в основу художественной концепции романа рубежа XX–XXI вв., идейно-эстетическое содержа-

ние которого убеждает в том, что действительная область его «пристрастий» – не только день сегодняшний, но и внутренняя связь с минувшим и поиски нового в будущем.

Вместе с тем следует говорить об обновлении жанрово-эстетической системы романа о современности, структуры противопоставлений и противоборств, природы конфликта, принципов изображения образов. Романное слово характеризуется усилением философской концепции, социальная проблематика обогащается анализом психологического состояния персонажей и их нравственно-этического потенциала. К несомненным достоинствам жанра следует отнести его вклад в исследование характера современника, многоаспектный (от производственно-деловой до личностно-интимной сферы) анализ личности, проникновение в глубины ее психологии, стремление находить в живой конкретной реальности проявления общих законов человеческого бытия, осмысление проблем человека, человеческого счастья и смысла его жизни как глобальных философских вопросов, очерчивание особенностей времени, событий действительности, процессов экономического и культурного переустройства села, вымывания прежнего уклада крестьянской жизни, нравственно-философский подход к решению проблемы «человек – природа», актуализацию экологической проблематики.

Поступила 18.09.2012

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Баймов, Р. Н.* Судьба жанра: (Взаимодействие и развитие жанровых форм башкирской прозы) / Р. Н. Баймов. – Уфа : Башк. кн. изд-во, 1984. – 320 с.
2. *Брыжинский, А.* У любви краски свои : роман / А. И. Брыжинский. – Саранск : Тип. «Крас. Окт.», 2004. – 432 с.
3. *Вильчек, Л. Ш.* Пейзаж после жатвы: деревня глазами публицистов / Л. Ш. Вильчек. – М. : Сов. писатель, 1988. – 320 с.
4. *Гинзбург, Л. Я.* О психологической прозе / Л. Я. Гинзбург. – Л. : Сов. писатель, 1971. – 464 с.
5. *Доронин, А.* Перепелка – птица полевая : роман / А. Доронин. – Саранск : Мордов. кн. изд-во, 1993. – 380 с.
6. *Кедрина, З.* Эстетическая функция публицистики / З. Кедрина // Советский роман. Новаторство. Поэтика. Типология. – М., 1978. – С. 585–609.
7. *Компанеец, В. В.* Художественный психологизм в советской литературе (1920-е годы) / В. В. Компанеец. – Л. : Наука, 1980. – 112 с.
8. *Макушкин, В. М.* Обретение зрелости / В. М. Макушкин. – Саранск : Мордов. кн. изд-во, 1984. – 224 с.
9. *Четвергов, Е.* Ванине (Ванечка) : роман / Е. Четвергов. – Саранск : Мордов. кн. изд-во, 2012. – 204 с.
10. *Эльяшевич, А. П.* Горизонталы и вертикали: Современная проза – от семидесятых к восьмидесятым / А. П. Эльяшевич. – Л. : Сов. писатель, 1984. – 368 с.